

О. Н. Толочко

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР
В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Одной из наиболее важных юридических форм правового регулирования внешнеэкономических отношений является международный договор. Гражданский кодекс Республики Беларусь (ст. 3, 6) называет международный договор источником гражданского права.

Понятие, сущность, виды, география и содержание международных соглашений по экономическим вопросам не раз являлись предметом исследования в правовой науке: в частности, эта проблематика отражена в работах В. П. Шатрова, М. М. Богуславского, Г. М. Вельяминова, Т. Н. Нешатаевой¹. В то же время вопрос о месте и значении международного договора в национальной системе регулирования внешнеэкономических отношений Республики Беларусь в правовой литературе пока не разрешен. Поэтому представляется целесообразным остановиться на нем более подробно.

Уникальное свойство международного договора представлять одновременно две правовые системы – международную и внутригосударственную – обусловило в свое время известную в правовой науке дискуссию о «двойственности» источников международного частного права. Обсуждая названный вопрос, одни авторы исходили из того, что источники международного частного права носят как национально-правовой, так и международно-правовой характер, и относили к числу последних (международно-правовых) международный договор и международный обычай². Другие полагали, что источники международного частного права «национальны», т. е. основаны на внутреннем законодательстве и судебной практике³, и относили международный договор с участием государства к его внутренней системе права.

В целом вопрос решался, как правило, в пользу «национальности» международного договора. В качестве обоснования использовалась предложенная Е. Т. Усенко «теория трансформации» международного договора во внутреннее законодательство⁴.

По Е. Т. Усенко, международно-правовая норма приобретает юридическую силу на территории суверенного государства в результате ее трансформации в норму внутригосударственного права. Трансформа-

ция может осуществляться в различных правовых формах путем издания различных внутрисударственных актов (например, закона о ратификации). Трансформированная норма международного договора является нормой национального права и применяется в качестве *lex specialis* по отношению к иным внутрисударственным нормам.

При этом «трансформированные» нормы международно-правовых договоров, являясь нормами внутрисударственного права, сохраняют тем не менее определенную автономию по отношению к остальным внутрисударственным нормам, что объясняется связью этих норм с породившими их международными обязательствами.

Особое значение международных договоров в **частноправовой** сфере – непосредственный правоустанавливающий характер их положений для физических и юридических лиц – обусловил активное обсуждение обозначенной проблематики в науке международного частного права.

В 80-х гг. Р. А. Мюллерсоном была предложена теория «полисистемного комплекса», рассматривавшая международное частное право как полисистемный комплекс норм, принадлежащих к различным системам права – как к национальному, так и к международному публичному. При этом Р. А. Мюллерсон указывал на невозможность и отсутствие практической необходимости для превращения норм международного права в нормы национального права⁵.

После включения в законодательство (Закон о международных договорах, Гражданский кодекс и иные основополагающие правовые акты Республики Беларусь) положения, согласно которому нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, являются **частью действующего на территории Республики Беларусь права**, – проблема международного договора как источника права приобрела практический характер и требует самого внимательного к себе отношения.

На наш взгляд, сложная «международно-национальная» правовая природа международного договора дает основание рассматривать его не менее чем с четырех позиций. Прежде всего, он представляет собой *объект регулирования международного права* (в частности, Венских конвенций о праве международных договоров 1969 и 1986 гг.). Во-вторых, он является *частью (источником)* международного права. В-третьих, процедура его заключения и исполнения органами государства составляет *объект регулирования национального (конституционного) права*. И наконец, в-четвертых, международный договор являет-

ся частью, источником внутреннего права заключившей его страны. Таким образом, неизбежные трудности в определении правовой природы международного договора обусловлены одновременной принадлежностью его к двум различным правовым системам – международной и национальной. Отнесение доктриной и законодательством международного договора к международному или к национальному праву зависит не от его сущностных характеристик, а от того, под каким углом и с какой целью производится анализ. Образно говоря, международно-правовой договор похож на зебру: о нем можно в равной степени сказать, что он «белый в черную полоску или черный в белую полоску».

В Законе о международных договорах Республики Беларусь (далее – Закон) понятие международного договора определено на основе Венских конвенций о праве международных договоров 1969 и 1986 гг. Согласно Закону международный договор Республики Беларусь – это «межгосударственный или межправительственный договор, заключенный в письменной форме с иностранным государством или государствами, с правительством иностранного государства или правительствами иностранных государств либо с международной организацией или международными организациями, который регулируется международным правом независимо от того, содержится договор в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования и способа заключения (договор, соглашение, конвенция, решение, пакт, протокол, обмен письмами или нотами и другие)»⁶.

Попутно отметим, что в сравнении с формулировкой Конвенции обнаруживается, что по неизвестным причинам (возможно, это просто техническая погрешность), Закон «потерял» запятую после выражения «который регулируется международным правом» и перед словами «независимо от того, содержится ли...». А ведь отсутствие синтаксического разделения между названными выражениями несколько меняет смысл, вложенный в текст Конвенции, расставляя иные логические акценты. Конвенция понимает под договором заключенное между государствами *соглашение, регулируемое международным правом*, и имеет в виду, что такое соглашение будет *именоваться договором* независимо от того, оформлено ли оно одним документом или несколькими, и от того, как оно называется. Из текста же Закона следует, что международный договор *регулируется международным правом независимо от того, одним или несколькими документами он оформлен*.

Изложенный выше тезис о четырех различных сторонах правового явления, именуемого международным договором, дает повод задуматься о целесообразности указания в Законе на то, что международный договор **регулируется международным правом**. Такое указание является совершенно уместным в Конвенции, но теряет логический смысл в тексте национального Закона, или, во всяком случае, требует уточнений.

С точки зрения международного права и, соответственно, Конвенции, международный договор Республики Беларусь действительно представляет собой объект регулирования. При этом национальное государство (Республика Беларусь) рассматривается международным правом как «точка», монолитное образование, «сторона договора», без учета сложных внутренних связей и правоотношений, складывающихся внутри государства и неизменно сопутствующих заключению и реализации договора. Регулирование же этих связей и отношений является исключительной прерогативой суверенной власти.

Закон Республики Беларусь о международных договорах имеет своей целью не подтверждение юридической силы Конвенции (это сделано другим национальным актом), а именно урегулирование тех отношений, которые возникают *внутри* государства в связи с его действительным или предполагаемым на будущее участием в международном соглашении.

Разумеется, указание в Законе на международное право как систему, регулируемую международным договором Республики Беларусь, не является неправомерным, поскольку отражает реальную правовую действительность. Однако думается, что более предпочтительным с точки зрения регулятивных функций Закона было бы четкое разграничение между сферой действия международного права в рассматриваемой области и национальной юридической процедурой, регулирующей вопросы заключения международного договора и функционирования его норм в пределах суверенной юрисдикции Республики Беларусь.

Нормы международного права, и в т. ч. нормы международных договоров реализуются преимущественно через национальные правовые системы. Способы и формы реализации норм международного права в национальном законодательстве обозначаются в правовой доктрине различными терминами: имплементация, принятие, отсылка, рецепция, инкорпорация, трансформация, адаптация, применение и др.⁷ Эти термины имеют различные смысловые оттенки. В последнее время

международно-правовая литература чаще всего оперирует понятием «имплементация».

Под имплементацией международно-правовых норм понимают организационно-правовые меры государства, направленные на обеспечение выполнения его международных обязательств⁸. Причем комплекс («набор») таких мер прямо зависит от характера и, скажем так, отраслевой принадлежности соответствующего международного договора.

Р. А. Мюллерсон различает процедуру имплементации в национальное право международных договоров, которые регулируют «чисто межгосударственные отношения» и имплементацию тех положений международных договоров, которые имеют целью урегулирование внутrigосударственных отношений либо отношений между внутrigосударственными субъектами из разных стран. В первом случае, по Р. А. Мюллерсону, роль национального права состоит в регулировании действий государственных органов и должностных лиц, в результате которых реализуются положения международных договоров. Во втором случае предполагается своеобразная «переадресовка» этих положений международных договоров субъектам национального права – физическим и юридическим лицам⁹. Л. П. Ануфриева соглашается, что «в принципе известным отличием может служить такой фактор, как круг адресатов внутrigосударственного права, которые обязываются соответствующим актом государства (государственные органы или субъекты частноправовых отношений)». Однако, по ее мнению, «нельзя полагать, что так называемые публично-правовые международные соглашения рассчитаны только на действие в отношении органов государства, а «частноправовые» международные договоры имеют обязывающую силу применительно к гражданам или юридическим лицам. И в том и в другом случае обязательства по международному договору несут государства и выполняют их путем осуществления необходимых действий со стороны их компетентных органов и должностных лиц»¹⁰.

В действующее законодательство Республики Беларусь (ст. 6 ГК, иные нормативные акты) введено правило, согласно которому нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, вступивших в силу, *подлежат непосредственному применению*, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется издание внутrigосударственного акта, и имеют силу того правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего

международного договора. Вместе с тем нельзя сказать, что эта норма привела к коренным изменениям в правоприменительной практике. По мнению Г. А. Василевича, дать принципиальный толчок формированию соответствующей административной и судебной практики могло бы рассмотрение на пленумах Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда вопросов о практике применения судами норм международных договоров Республики Беларусь. «К сожалению, – пишет Г. А. Василевич, – в настоящее время суды практически не выносят решения со ссылками на нормы Конституции и международных договоров»¹¹.

Аналогичная проблема отмечается и российскими правоведами, где в свое время была создана даже специальная Объединенная комиссия по координации законодательной деятельности по вопросу «О реализации международных правовых актов в российской правовой системе». В подготовленных ею Рекомендациях отмечается актуальность для России проблемы «вхождения» международно-правовых актов и норм во внутреннее законодательство. Однако Комиссия была вынуждена признать, что практика исполнения международных договоров и их имплементации наталкивается на многочисленные препятствия и сложности юридического, организационного, политического и иного порядка. Комиссия признала целесообразной даже подготовку и принятие федерального закона с условным названием «О порядке реализации международных правовых актов в правовой системе Российской Федерации»¹².

Проблема практической реализации положения о непосредственном применении норм международных договоров, на мой взгляд, в немалой степени обусловлена отсутствием доктринального обеспечения названной нормы. Дело в том, что чрезвычайное многообразие международных договоров, в том числе (и даже особенно) экономического характера, не позволяет дать общие рекомендации по «непосредственному применению» *сразу для всех* таких актов. Более того, сам термин «непосредственное применение», если понимать под ним применение рассматриваемых норм **юрисдикционными органами** (судами, прокуратурой и т. д.), просто не может быть соотнесен с содержанием всех без исключения договоров. Например, ст. 20 раздела V Устава СНГ «Сотрудничество государств в экономической, социальной и правовой областях» гласит, что «в случае противоречий между нормами национального законодательства государств-членов, регулирующего отношения в сферах совместной деятельности, государства-члены

проводят консультации и переговоры с целью выработки предложений для устранения этих противоречий»¹³. «Непосредственное применение» названной нормы могло бы означать, что она исключает действие национальных белорусских коллизионных правил до проведения государствами процедуры консультаций. Разумеется, ничего подобного не происходит. Однако наличие норм такого рода в текстах подавляющего большинства имеющихся международных экономических договоров в массе своей порождает естественное стремление судов обходить «неудобные» вопросы, отдавая предпочтение внутреннему законодательству.

Рассматривая проблему непосредственного действия международного договора сквозь призму его унификационных функций, А. Л. Маковский пришел к выводу о необходимости разграничения международных договоров (применительно к частному праву) в зависимости от метода унификации, который использовался государствами при заключении соглашения. Он выделил три метода международной договорной унификации права – прямой, косвенный и смешанный, а также две ее формы – «интегральную конвенцию» и «конвенцию – единообразный закон»¹⁴.

По мнению других сторонников названного подхода, в случае прямой унификации в международном договоре устанавливаются завершенные по форме правовые нормы, готовые к применению в системе внутреннего права государств-участников, а эти государства принимают на себя обязанность обеспечить их действие в пределах своей юрисдикции. Нормы, созданные путем прямой унификации, квалифицируются как самоисполнимые, и «обращение к правовой фикции “трансформации” для объяснения механизма применения международно-правовой нормы к внутренним отношениям оказывается излишним»¹⁵.

Косвенная унификация, указывают авторы, состоит в том, что государства обязуются установить в своем законодательстве правовую норму, содержание которой определено с большей или меньшей степенью подробности. В последующем эта норма появляется во внутреннем законодательстве стран-участниц договора, однако ее формулировки в этих странах могут существенно различаться. Разумеется, говорить при этом о самоисполнимости международного договора, устанавливающего обязанность государств, нельзя¹⁶.

Как видно, отношение к непосредственному действию («самоисполнимости») международных договоров дифференцируется уже в

рамках частноправовых унификационных актов. А ведь соглашения этой категории – только капля в море всех международных договоров экономической направленности.

Представляется оправданным применение различного правового режима в отношении международных договоров «публичного» и «частного» порядка. Для последних формула «непосредственное применение» является совершенно логичной и целесообразной, поскольку они непосредственно устанавливают права и обязанности для частных лиц. Более того, реализация их в национальном праве иным способом, по всей вероятности, невозможна.

Что касается «публичных» международных соглашений, то способы их реализации в национальном праве должны быть дифференцированы в зависимости от того, является ли данное соглашение актом «твердого» или «мягкого» международного права; устанавливает ли соглашение непосредственные права и обязанности для субъектов национального права; каков характер этих прав и обязанностей, каковы эти субъекты и т. д. Такая дифференциация предполагает употребление в законодательных актах иных формул, нежели «непосредственное применение».

Введение законодателем международных договоров Республики Беларусь в систему национального права требует нового осмысления проблемы иерархических взаимоотношений актов «внутреннего» и «международного» характера.

Традиционно коллизия названных актов разрешается путем установления правового принципа **приоритета** нормы международного договора перед нормой внутреннего законодательства.

Следует отметить, что данный принцип законодательно закрепляется во всех без исключения государствах в виде специальной нормы примерно следующего содержания: если международным договором соответствующего государства установлены иные правила, нежели предусмотренные национальным законом, то применяются правила международного договора.

Отраслевое законодательство Союза ССР и союзных республик последовательно дублировало названную норму в отдельных нормативных актах применительно к регулируемым сферам (Гражданский кодекс, Кодекс о браке и семье, КЗоТ, ГПК, ХПК и т. д.). Данный принцип закреплялся и в Гражданском кодексе Республики Беларусь, действовавшем до 1999 г. (ст. 564). В правовой науке неоднократно высказывалась необходимость придания соответствующей норме кон-

ституционного характера. В итоге данное правило было закреплено Конституцией Российской Федерации 1993 г. (ч. 4 ст. 15).

Конституция Республики Беларусь в редакции 1996 г., как и ее предыдущая редакция 1994 г., такого правила не содержит. При этом в отраслевых кодификационных актах и отдельных законах до 1998 г. названный принцип присутствовал. Поэтому применительно к периоду 90-х гг. справедливо было утверждение о том, что на территории Беларуси сохранился советский подход к рассматриваемому вопросу.

Однако принятые в конце 90-х гг. системообразующие правовые акты (Закон о международных договорах, Гражданский кодекс и некоторые другие) уже не содержат правил о приоритете норм международного договора, ограничиваясь общим указанием на то, что эти нормы являются частью действующего права. Но ведь взаимоотношения названных «частей действующего права» между собой – принципиальный вопрос, затрагивающий основы публичного порядка страны!

Анализ отраслевых кодексов экономического цикла (а в каждом из них вопрос решен по-разному) наводит на мысль о том, что законодатель как бы «сомневается» в целесообразности закрепления принципа приоритета, подспудно ожидая от него неких негативных последствий.

В самом деле, ГПК и ХПК названный принцип оставили, правда, поместили его не в общую часть, а в последний раздел, регулирующий производство по делам с участием иностранных физических и юридических лиц (ст. 543 ГПК и ст. 308 ХПК). Гражданский кодекс (а он, как принято считать, представляет собой «экономическую конституцию» страны) – его не сохранил.

Любопытно решается вопрос в ст. 8 Трудового кодекса. Статья состоит из четырех частей. Первая дублирует соответствующее положение Конституции и ГК: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства о труде». В соответствии с ч. 2 ст. 8 ТК, нормы международно-правовых договоров являются частью действующего законодательства о труде, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора или конвенции следует, что для применения таких норм требуется издание внутрисударственного акта. Однако при обращении к части третьей обнаруживается, что «правила международных договоров Республики Беларусь или конвенций Международной организации труда, участницей которых является Республика Беларусь, применяются **непосредственно в тех случаях, когда те или иные отношения не урегули-**

рованы законодательством о труде» (выделено мной. – *Авт.*). А затем следует часть четвертая, согласно которой, «если международным договором Республики Беларусь или конвенцией Международной организации труда, участницей которой является Республика Беларусь, установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством о труде Республики Беларусь, то применяются правила международного договора или конвенции»¹⁷. Таким образом, прямого ответа на вопрос: как относятся нормы внутреннего законодательства о труде и международного договора, – приведенная статья не содержит.

Предположение о том, что законодатель «не вполне определился» с проблемой приоритетов, в определенной степени находит свое подтверждение в литературе. Так, один из разработчиков действующей Конституции, профессор А. А. Головкин пишет: «Некоторые теоретики и практики полагают, что разработчики проекта ныне действующей Конституции Республики Беларусь в статье 8-й не вполне четко определили взаимодействие норм международного права с национальным законодательством Беларуси. Наоборот, разработчики проекта Конституции проявили разумную осторожность, закрепив признание приоритета лишь принципов международного права, а не самих его норм. Кроме того, запрещается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции (ст. 8 Конституции Республики Беларусь). Таким образом, наш законодатель допустил применение «усмотрения», т. е. воздержания от буквального повторения норм международного права в национальном законодательстве Беларуси, если они не отвечают интересам, духу народа и букве закона. Такую ситуацию нельзя сравнивать с чрезвычайным происшествием. Во взаимоотношениях государств это должно рассматриваться как нормальное явление, не нарушающее международной законности»¹⁸.

Становится очевидным, что проблема законодательных формул о месте норм международного договора в правовой системе Беларуси носит не технический, а концептуальный характер, и без определения концептуальных подходов законодателя говорить о совершенствовании законодательства в данной сфере, видимо, преждевременно.

Следует, однако, еще раз подчеркнуть, что в сфере **частного права** (а именно она определяет характер и направленность правового регулирования экономических процессов) данной проблемы нет: приоритет норм международного договора перед внутренним законодательством здесь является единственным способом определения взаимоотношений международного договора и закона. Дело в том, что в част-

ной сфере такой приоритет основывается не на «особом отношении» к международному праву или международно-правовом принципе добросовестного выполнения государствами взятых на себя обязательств, а исключительно на аксиоматичном юридическом правиле **приоритета специальной правовой нормы перед общей**.

В самом деле, если в национальном праве есть, например, нормы о договорах купли-продажи товаров, то эти нормы являются *общими* для всех хозяйственных договоров данной категории. Однако нормы Венской конвенции о договорах *международной* купли-продажи товаров, которая ратифицирована Республикой Беларусь и имеет на ее территории силу закона, т. е. равна по юридической силе ГК, – являются *специальными* нормами для части договоров купли-продажи, а именно для тех договоров, которые заключены между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах¹⁹. Само собой разумеется, что наличие в законе специальных правил, предусмотренных в тексте международного договора, исключает действие общих норм, имеющих в Гражданском кодексе.

Точно так же норма, например, двустороннего международного договора Республики Беларусь с Литовской Республикой будет иметь характер специальной по отношению к тем нормам, которые предусмотрены в национальном законодательстве для всех иностранцев вообще.

В сфере частного права в значительной степени утрачивают логический смысл рассуждения о конституционности международного договора, поскольку здесь, как правило, не затрагиваются вопросы, имеющие отношение к конституционному порядку. Во многих случаях неактуально для частного права и пресловутое «приведение в соответствие» национального законодательства. Позволю себе утверждать, что в большинстве случаев такое «приведение в соответствие» норм национального законодательства международным договорам в экономической сфере – скорее во вред национальной экономике, чем на пользу. Смысл заключения международного договора в сфере экономики очень часто в том и состоит, чтобы предусмотреть для отношений **внешнеэкономического** характера иные правила, нежели для внутренней хозяйственной деятельности. Международный договор – лучший способ осуществления экономической интеграции при сохранении национальной самобытности экономического уклада и национальных интересов государства. Он **должен** противоречить внутреннему хозяйственному законодательству, иначе нет смысла в его заклю-

чении: зачем дублировать международным договором уже имеющиеся в законе нормы права? Точно так же, если каждый раз приводить экономическое законодательство «в соответствие» международному договору, через несколько лет от национальной экономики останутся одни воспоминания.

Приведение в соответствие национального закона международному договору однозначно требуется в случаях косвенной унификации правовых норм, о которой речь шла выше. Если государства договорились установить на своей территории определенный правовой режим в конкретной сфере, они обязаны это сделать. Во всех других случаях международный договор и национальный закон применяются параллельно, поскольку регулируют разные группы отношений: национальный закон – внутренние хозяйственные отношения или внешнеэкономические отношения «для всех», т. е. с иностранным элементом без его географической конкретизации; международный договор – внешнеэкономические отношения, связанные с тем государством, с которым Республика Беларусь заключила этот договор. В последнем случае приоритет международного договора перед внутренним законодательством – единственный способ его юридического существования.

Действующее законодательство Республики Беларусь предусматривает режим временного применения международного договора в случаях, если договоренность об этом была достигнута сторонами, подписавшими договор. Такое применение, согласно ст. 14 Закона о международных договорах, возможно при условии, если он в целом или его часть не содержат положений, устанавливающих иные правила, чем те, которые содержатся в законах Республики Беларусь, актах Президента, или положений, не урегулированных законами Республики Беларусь, актами Президента. На мой взгляд, для формулировки этой статьи также справедливы приведенные выше положения. Если международный договор Республики Беларусь не несет в себе ничего нового (не «устанавливает иных правил») по сравнению с внутренним законодательством, какой смысл в специальной процедуре «временного применения»? Не проще ли дожидаться завершения обычной процедуры вступления такого договора в силу на территории Республики Беларусь?

Подводя итог вышесказанному, следует, по всей вероятности, сделать вывод о том, что за сравнительно небольшой по историческим меркам период развития Беларуси как суверенного государства правовая система страны значительно продвинулась вперед в вопросах оп-

ределения места и роли международных соглашений в правовом регулировании внешнеэкономических процессов. Вместе с тем предстоит еще огромная работа по шлифовке законодательных и правоприменительных механизмов, обеспечивающих цивилизованное вхождение нашей страны в глобальные экономические структуры.

---

¹ Шатров В. П. Международное экономическое право: Учеб. пособие. М., 1990. С. 35–50; Богуславский М. М. Международное экономическое право. М., 1986; Вельяминов Г. М. Основы международного экономического права. М., 1994. С. 12–17; Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998.

² См., например: Международное частное право: Учеб. / В. Г. Тихиня и др. Мн., 1995. С. 22.

³ Богуславский М. М. Международное частное право. М., 1994.

⁴ Усенко Е. Т. Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965; Усенко Е. Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М., 1979. С. 70.

⁵ Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 115; Мюллерсон Р. А. Коллизионные и отсылочные нормы в регулировании международных отношений // Вестн. МГУ. Сер. 11. Право. 1983. № 5. С. 53.

⁶ Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями, от 21 мая 1986 г. (ст. 2), Венская конвенция о праве международных договоров, от 23 мая 1969 г. (ст. 2) // Действующее международное право: В 3 т. М., 1999. Т. 1. С. 343–409; Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1998. № 29–30. Ст. 469.

⁷ Имплементация норм международного права во внутригосударственное право / Под ред. Л. В. Павловой. Мн., 2001. С. 21.

⁸ Гавердовский А. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 172.

⁹ Мюллерсон Р. А. Национально-правовая имплементация международных договоров // Советский ежегодник международного права. 1978. М., 1980. С. 130–131.

¹⁰ Ануфриева Л. П. Соотношение международного публичного и международного частного права: правовые категории. М., 2002. С. 197–198.

¹¹ Василевич Г. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права – реальная основа деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. Н. В. Сильченко. Гродно, 2002. С. 6.

¹² Рекомендации Объединенной комиссии по координации законодательной деятельности по вопросу «О реализации международных правовых актов в российской правовой системе» // Журнал российского права. 1999. № 3/4. С. 95–96.

¹³ Устав Содружества Независимых Государств, 22 января 1993 г. // Действующее международное право: В 3 т. М., 1999. Т. 1. С. 724.

¹⁴ Иванов Г. Г., Маковский А. Л. Международное частное морское право. Л., 1984. С. 51–59; Маковский А. Л. Унификация морского права и понятие международного частного морского права // Советский ежегодник международного права, 1979. М.,

1980. С. 220–232; Маковский А. Л. Вопросы теории международно-договорной унификации права и состав международного частного права // Материалы секции права ТПП СССР. Вып. 34. М., 1983.

¹⁵ Звеков В. П. Международное частное право: Курс лекций. М., 1999. С. 49.

¹⁶ Подробнее о правовой процедуре унификации см.: Вилкова Н. Г. Региональная унификация коллизионных норм и международные коммерческие контракты // Юридический мир. 1997. № 10; Вилкова Н. Г. Унификация коллизионных норм в сфере международных коммерческих контрактов // Хозяйство и право. № 11. С. 131–136; № 12. С. 139–147.

¹⁷ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 80. 2/70.

¹⁸ Головки А. А. Законность и усмотрение национального государства в заимствовании норм международного права // Проблемы интеграции правовой системы Республики Беларусь в европейское и мировое правовое пространство. Гродно, 2002. С. 9.

¹⁹ Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров. Комментарий. М., 1994.

